

Ольга Аникина

Поэт, прозаик, переводчик, эссеист. Родилась в Новосибирске в 1976 году, жила в Москве и в Сергиевом Посаде, сейчас живет в Санкт-Петербурге. Окончила Новосибирский медицинский институт и Литературный институт им. Горького. Кандидат медицинских наук. Работает врачом с 1999 года по сегодняшний день. Училась в аспирантуре Литературного института им. Горького на кафедре зарубежной литературы и в Европейском университете на курсе повышения квалификации «Перевод с идиша». Автор пяти книг стихов и четырех книг прозы. Член оргкомитета и один из соиздателей литературной премии «Антоновка 40+». Редактор отдела малой прозы в журнале «Эмигрантская лира». Дипломант (2015) и лауреат (2022) Литературной премии им. Н. В. Гоголя. Лауреат Волошинского конкурса (2021).

Линди-хон¹

(отрывок из романа «Назови меня по имени»)

В кружок бальных танцев Маша ходила вместе со старшей сестрой Алькой, в среднюю группу.

Алька оказалась пластичной, с хорошим чувством ритма. Уже после первого года занятий Алька стала танцевать на всех школьных концертах.

Мальчики в кружке были нарасхват, но Фаина Теодоровна подобрала Альке постоянного партнера, Костю Герцика. Именно с Костей Алла выступала на районных и городских мероприятиях, занимала места на любительских конкурсах. Алла говорила, что Костя — просто партнер и ничего больше, но, когда техническая часть программы была полностью готова, на сцене и на репетициях Алла артистично кокетничала с ним, строила выразительные рожицы, очевидно, копируя их из фильмов и журналов.

¹ Здесь приведен журнальный вариант произведения.

Совсем иначе обстояло дело с Машей. На два года младше сестры, угловатая, лишенная природной плавности движений, в парных танцах она смотрелась нелепо, и Фаина Теодоровна включила ее в состав небольшого ансамбля. Учительница придумала несколько авангардных номеров под музыку современных ВИА и ставила «Манечку Иртышову» в первый ряд: нельзя же было не уважить память ее бабушки-академика.

Однажды Маше все это надоело, и она просто не пришла на урок к Фаине. Вместо того, чтобы дойти до Гостиного двора и сесть там на автобус до школы, Маша спустилась в метро, с одной пересадкой доехала до Финляндского вокзала и купила билет на электричку.

«Осторожно, двери закрываются. Следующая станция — Ланская!»

Ей тогда было тринадцать, выглядела она и того младше, но ни контролеры, ни соседи по вагону, никто не осмеливался подойти к девочке в светло-серой кроличьей шубке, чтобы спросить, куда этот ребенок едет в полном одиночестве. Маша знала: она может напустить на себя такой суровый вид, что чужаки поостерегутся связываться с ней, дабы не портить себе настроение. Резкие движения узеньких плеч, сощуренные недоверчивые глазки, глядящие исподлобья, плотно сжатые губы. Добротная одежда служила ей чем-то вроде доспехов. Маша абсолютно верно считывала взгляды случайных теток и дядек: мало ли кто родители этой девчонки, думали они. Лучше ее не трогать.

«Что за станция такая, Дибуны или Ямская?» Каждая остановка пригородной электрички еще на шаг приближала Машу к заветной цели. Вагоны в этот час были набиты людьми только до Шувалово; чем дальше от Ленинграда, тем меньше пассажиров входило и выходило, а значит, тем меньше глаз могло увидеть Машу, преступно сбегавшую с танцевального занятия.

Между населенными пунктами Репино и Комарово находилась наследная дача Иртышовых. Именно туда и сбегала Маша, пока ее старшая сестра разучивала шаги квикстепа под руководством Фаины Теодоровны.

Дача была идеальным местом для побега. В первый раз ноги сами принесли сюда Машу. Девочка подошла к пригородной кассе и купила билет. Пальцы ее были холодными, а под ложечкой зыбко и сладко ныло. Уже с билетом в кармане Маша еще десять долгих минут брела по вокзалу и боязливо прикидывала, ехать ей или нет.

Внезапно перед ее глазами возникла распахнутая дверь вагона, и Маша, словно ныряльщик перед прыжком, зажмурилась и глубоко вдохнула сырой воздух, пропитанный креозотом. И шагнула внутрь. Потом открыла глаза и осмотрелась. Увидела перед собой еще одну дверь, ведущую из тамбура в вагон. Эту преграду она преодолела уже без труда.

Девочка выбрала место возле окна, села и поставила на колени сумку с танцевальной одеждой. А потом мертвой хваткой вцепилась в деревянное сидение, чтобы вдруг не вскочить на ноги и не убежать. Но испуг быстро прошел; теперь в Машином животе застрекотал кузнечик. Он перебирал упругими лапками, касаясь сердца, нервов, кровеносных сосудов, самых тайных и стыдных мест, — и по телу неожиданным теплом разлилось неведомое прежде упоение и успокоение. Теперь внутри пульсировала новая, восхитительная сила, которую Маша приняла за счастье.

Это был ее первый бунт. Он оказался сладким. Уже ради одного этого чувства стоило два года страдать, тянуть носок, считать шаги и придерживать за талию полную девочку из седьмого класса, с которой они попеременно разучивали партию партнера. Стоило мучиться и тайно признаваться себе в том, что мучаешься. Беда была не в том, что Маша не умела танцевать. Нет, она как раз прекрасно умела. Правда, не танцевать, а кое-что другое.

Когда Фаина Теодоровна ставила ее в пару с каким-нибудь мальчиком, Маша теряла голову и впадала в панику. Дети в танцевальном классе были окружены перекрестными взглядами друг друга и зеркалами; каждый оценивающе взирал на соседа и подмечал мельчайшие штрихи своих и чужих движений. Фаина Теодоровна специально учила юных танцоров и наблюдать за другими и смотреть на себя со стороны, невольно создавая для Маши условия, близкие к катастрофе. Кто угодно мог разгадать Машину тайну, а разгадав — предать девочку осмеянию и позору.

Маша до ужаса, до обморока боялась прикосновений. Кто-то хитро встроил подлый рефлекс в Машино естество. Проявлялся он почти всегда одинаково: девочка теряла способность говорить и заливалась краской. Грудную клетку стягивало, не хватало воздуха. Когда партнер пытался ее вести, Маша стояла столбом или резко обрывала фигуру. Ничего не объясняя, выбегала из зала.

В раздевалке дыхание постепенно выравнивалось. Хорошо, что Фаина Теодоровна разрешала девочкам без объяснений покидать комнату. Больше всего Маша боялась нечаянно засопеть своему партнеру в ухо. Или во время простого парного движения горячо и неожиданно вспотеть.

Она боялась не только бальных танцев, но и спортивных игр, и даже некоторых физкультурных упражнений, например, прыжков через «коня» или лазания по канату. Маша не могла никому рассказать о том, что с ней происходит — ни матери, ни, тем более, Альке. Альке — это совершенно точно — она не призналась бы даже за все блага мира. Судя

по той легкости, с которой сестра кокетничала со сверстниками и даже с ровесниками отца, Алька никогда не сталкивалась с чем-то подобным.

Дача Иртышовых стояла на улице, перпендикулярной железнодорожному полотну. По обе стороны проезда возвышались двух и трехэтажные дома, огороженные высокими заборами. Прямо напротив калитки дорога шла вниз, переходя в крутой спуск, который получился в результате сдвига литориновой плиты — тектонической основы древнего моря.

В доме было два этажа. На второй этаж вела лестница с перилами и тремя лестничными пролетами. Мансарду венчала остекленная башенка с ромбовидной крышей, прозрачная, как хрустальная рюмка.

На западную половину сада выходила эркерная терраса с наборными оконцами, украшенными цветными стеклышками — синими, оранжевыми и красными. Стеклышки складывались в витражные рисунки, напоминающие листья или бутоны. Крыльцо всегда красили эмульсией с терракотовым оттенком — когда Маша была маленькой, отец подновлял его собственноручно.

Во дворе, заросшем кленами, сиренью и яблонями, стояла шестиугольная беседка с деревянным навесом, а рядом с ней — дровница. Неподалеку, в сарайчике, хранился инвентарь: грабли, лопаты, тяпки.

Строился этот дом еще при финнах. Раньше здесь жил известный финский промышленник, владелец скорняцкого производства. Потом дачу передали во владение первому профессору Иртышову, Машиному прадеду. Прадед оставил дом дедушке, а дедушка — Машиному папе. Отец в случайной беседе обмолвился, что на Машино восемнадцатилетие он обязательно напишет дарственную и разделит владение домом между двумя дочерьми. Отец никогда не бросался пустыми обещаниями, и Маша с самого детства считала себя здесь полноправной хозяйкой.

В Репино она приезжала уже затемно. Дорогу от станции с обеих сторон освещали фонари, и в их освещении путь к фамильному дому казался Маше новым, незнакомым и немножко страшным. Растущий по обе стороны дороги шиповник торчал из сугробов голыми тонкими проволочками. Сосны стояли окруженные краями цилиндрических белых стаканчиков. Заборы на треть, а самые низкие — наполовину уходили под снег.

Маша подходила к дому, просовывала руку в щель между калиткой и забором и из узкого пространства между двумя кусками листового железа, выстилавшего ограждение с внутренней его стороны, доставала два ключа на колечке — от калитки и от главного входа. Запасные ключи

чи хранились здесь всегда, на всякий случай, и знали об этом только члены семьи и соседка тетя Лида.

Маша открывала наружный замок и шла по заснеженной дорожке. Когда она приехала в первый раз, крыльцо совсем занесло, и чтобы открыть дверь дома, пришлось лезть в сарай за лопатой.

Дом стоял пустой, словно зима оглушила его и усыпила. Казалось, он совсем забыл своих хозяев. Помещения пахли сырым деревом, пылью и отчего-то — чужими людьми. Маше каждый раз казалось, что совсем недавно здесь был кто-то незнакомый и недобрый. Но Маша знала, как избавиться от этого ощущения. Первым делом нужно было протянуть руку к рубильнику и включить электричество. А потом несколько раз пройтись по всем комнатам и обязательно прикоснуться к вещам — книгам на стеллажах, чашкам, тарелкам, подушкам. Это были все Машины занятия во время зимних визитов: она просто ходила с этажа на этаж, сидела на крыльце, а потом закрывала двери и уезжала.

Зимой на даче отчетливо слышался каждый шаг, каждый скрип. Тревожными вздохами издалека раздавались гудки поездов. Сквозь двойные рамы пробивались тонкие струйки холодного воздуха. Маша прислоняла к стеклу ладошку и ловила худенькую ледяную змейку, которая так и норвила заползти в дом через оконную щель.

В детской на втором этаже на кроватях сидели оставленные в одиночестве мягкие игрушки: зайцы, медведи и финский серо-голубой жираф. Они смотрели на Машу печальными, обиженными мордами. Старые книжки с картинками, которые папа сам переплетал в толстые тома с цветными корешками, тоже хранились на даче. Их отвезли сюда, потому что обе девочки давно выросли и больше не читали волшебных сказок. Толстые, кустарно переплетенные книжки походили фолианты из монашеской кельи, и Маша воображала себя хранителем старой библиотеки, обходящим по ночам свои владения.

Мамина спальня хранила навязчивый запах ее сладковатых духов. Он пропитывал все предметы — сладко пахли и кресло, и трюмо, и подушки-думочки, и гобелен с пастушкой и пастушкой, присевшими отдохнуть возле раскидистой сосны, точно такой же, как те, что росли за окном детской.

Маша обходила все комнаты, одну за другой, и только в прадедушкин кабинет она боялась заглядывать. Хозяин кабинета мог заметить беглянку и укоризненно поглядеть на нее с портрета, специально, чтобы Маше сделалось стыдно.

На поездку туда и обратно уходило три часа. Когда девочка приехала на дачу в третий раз, тайну соблюсти не удалось: ее засекала соседка тетя Лида. Окна детской в доме Иртышовых выходили как раз на сторону тети Лидино участка.

Соседка жила в Репино даже зимой. Она слыла человеком тактичным; прежде чем потревожить Машину маму, она хорошенько проследила за окнами иртышовского дома. Потом тетя Лида добежала до станции и позвонила в Ленинград — окончательно убедившись, что Маша все время находилась на даче одна, без взрослых.

Дома девочку встретили во всеоружии. Если в прошлые разы Алька не заложила Машу-прогульщицу, то теперь обеим сестрам досталось от матери по первое число. Младшей — за то, что посмела самовольничать, а старшей — что не уследила за ребенком, которого должна была опекать.

— И слышать ничего не желаю! — бушевала Ираида Михайловна. — В четверг пойдешь к Фаине Теодоровне извиняться за прогулы. Только попробуй пропустить хотя бы одно занятие! У меня уплачено за полгода вперед. Я тебе рокфеллер, что ли?

Маша замолчала, погасла. После смерти бабушки они с Алькой одновременно бросили занятия музыкой, и в тот раз их демарш прошел незамеченным. А сейчас мать была настроена решительно. Ираида Михайловна считала, что танцевальное искусство разовьет в ее дочерях мягкость, женственность и умение общаться с противоположным полом. Все перечисленные качества Ираида Михайловна ценила чрезвычайно высоко.

Ираида Михайловна выросла в семье, где степень удачливости женщины измерялась статусом, который занимал ее муж. Отец Машинной матери был большим начальником в местном райкоме, и, пока этот райком не разогнали в восьмидесятых, а деда не хватил удар, жизнь Ираиды Михайловны текла легко и безоблачно. В юности мама даже ездила по райкомовской путевке за границу, в Болгарию, и там — это была строжайшая тайна, о которой знали все вокруг, — в Ираиду Михайловну влюбился какой-то болгарский студент, но девушка ответила, как и положено было комсомолке, отказом.

Бывшая супруга профессора Иртышова слыла очень красивой женщиной. В молодости ее фигура напоминала классические песочные часы, и когда Ираида Михайловна по случаю какого-нибудь праздника надевала силуэтное платье с открытыми плечами, все любовались ее узенькой талией. В молодости Ираида Михайловна высветляла свои русые волосы в невозможный блонд, по моде семидесятых, и укладывала в «бабетту». У нее были длинные и густые ресницы; мама всегда красила их тушью, а каждую ресничку потом отдельно выводила иголкой — процесс занимал бездну времени. Маша могла долго подглядывать, стоя за полуоткрытой дверью, следить за движением иголки и рассматривать золотую розу на тюбике туши.

Мамин фенотип по тайному генетическому каналу перешел к Альке, только Алька получилась гораздо темнее матери. А вот Маша, наоборот, пошла в отцовскую породу: она взяла себе наследную мелкость черт и характерный, почти монголоидный разрез глаз. Ну и, конечно, никаких ресниц и никакой талии. Стоя голая перед зеркалом в ванной, Маша была просто в отчаянии: как же так, что за несправедливость? Откуда этот плоский, почти ровный прямоугольник от плеча до бедра, где она, волшебная мамина X-хромосома?

Ираиде Михайловне вовсе не хотелось, чтобы между ее дочерьми возникали ссоры, зависть или ревность, хотя она прекрасно видела, что девочки растут совершенно разными. Алька была ей близка и понятна; поведение старшей дочери никогда не вызывало у Ираиды Михайловны никаких вопросов. А вот молчаливая Маша все чаще разочаровывала и раздражала мать. Она не умела объяснять свои поступки, отводила глаза, замыкалась в себе, и — вот, подумайте, до чего дошло — начала сбегать из дома! Казалось, младшая что-то скрывает, за что-то мстит; может быть, за то, что Ираида Михайловна не сумела удержать отца? А может, дурной характер был заложен в ребенка с самого рождения? Ираида Михайловна не разбиралась в педагогических тонкостях, ей и без Маши хватало забот. Ей просто нужно было, чтобы для всех окружающих семья Иртышовых, пусть даже неполная — выглядела достойной и счастливой. Ираиде Михайловне не хотелось, чтобы люди за ее спиной говорили, что, дескать, одной девочкой она занимается, а другой нет.

У директора школы она выяснила адрес руководительницы кружка и явилась к Фаине домой. Пришла она без предупреждения, но Фаина Теодоровна встретила ее со всем светским гостеприимством.

Фаина Теодоровна была еще нестарой женщиной. После сорока она завершила театральную карьеру и осталась будто бы не у дел. Нет, Фаина не имела отношения к балету, как та старуха в Колпачном переулке; бывшая артистка раньше играла по большей части второстепенные драматические роли в одном из театров северной столицы. Худоцавая и смуглая, она всегда зачесывала наверх темные, хорошо покрашенные волосы и носила только черное — это был траур по мужу, тоже артисту, несколько лет назад погибшему от тяжелой болезни. В восьмидесятые Фаина вела занятия ритмики у малышей, а полноценные шесть часов в неделю посвящала созданию собственного танцевального коллектива. Она давала частные уроки, и, похоже, никакой другой жизни, кроме преподавания, у нее тогда не было.

Дома Фаина Теодоровна ходила в красивой длинной юбке и черном вязаном пуловере. Внешний вид хозяйки произвел на Ираиду Михайловну глубокое впечатление.

— Ах, — ответила ей учительница. — Это просто старая театральная привычка. Знаете, когда к тебе домой в любой момент может прийти кто угодно, даже министр...

В ответ на вопрос матери бывшая артистка сказала с абсолютной убежденностью:

— Ваша старшая дочь очень одаренная, она могла бы профессионально заниматься танцами.

И, поймав настороженный взгляд Ираиды Михайловны, тут же исправилась:

— Хотя, возможно, у девочки есть и другие таланты.

Такой вариант матери нравился гораздо больше.

— Что же касается вашей младшей дочери... — Фаина Теодоровна подыскивала нужное слово. — Сдержанная, скромная, благородная девочка. Немного скованная. В силу возраста ей пока трудно раскрепоститься в танце.

— Но вы же педагог, — настаивала мать. — Ваша задача — увлечь ребенка, растрясти! Мне совершенно не нужно, чтобы одна моя дочь завидовала другой.

— Я могу трясти ее сколько угодно, но... — задумчиво сказала Фаина Теодоровна, но вдруг перебила сама себя и пообещала: — Что ж, я попробую. Дайте мне немного времени.

Маша пришла в танцевальный зал после нескольких дней уговоров, и Фаина сразу же поставила ее в пару с Костей Герциком, постоянным партнером Аллы.

Алла как будто была уже в курсе происходящего. Она отдала Костю легко и щедро, даже улыбнулась Маше через плечо: дескать, не дрейфь, подруга. Уж лучше бы она вцепилась в своего парня зубами и когтями, подумала Маша. Девочке стало совершенно ясно, что мать с учительницей взялись за нее основательно, и вряд ли теперь отвяжутся.

— Сегодня мы разучим особенный танец. Это будет немного свинг, немного линди-хоп, — сказала Фаина. — Его станцует любой, кто чувствует ритм. Вы можете расслабиться и не бояться делать даже самые дурацкие движения. Такие танцы сами по себе немного дурацкие — в этом и есть их прелесть.

Маша старалась слушать все, что говорит Фаина, но сама думала только об одном: о Косте. На занятии партнер и партнерша стояли рядом. Маша смотрела в пол и от страха не могла поднять глаза.

Косте было четырнадцать, он с самого детства занимался настоящими бальными танцами, но что-то там у него не сложилось, и большой спорт пришлось оставить. Костя был худощавым, невысоким подростком. В зале мальчик смотрелся не ниже Альки, но, когда та вставала на каблуки, он проигрывал партнерше несколько решающих сантиметров. С маленькой Машей дела обстояли совсем иначе, и Костя, казалось, ничуть не расстроился, что его поставили с другой, пусть даже менее опытной, партнершей.

Он несколько раз улыбнулся Маше — снисходительно, как той показалось. Потом исправил какой-то ее недочет. От досады, неожиданно для себя самой, Маша повторила движение, и вышло хорошо. Мальчик снова улыбнулся и одобрительно кивнул. Идиот, считает меня малявкой, подумала Маша. «Ха, — злорадно повторяла она про себя — в следующую среду я сюда точно не приду».

Но «ужас» начался не на следующем уроке, а гораздо раньше.

— Костя и Манечка, — громко сказала учительница, когда дети уже собрались расходиться. — Задержитесь после занятия. Вы мне нужны на полчаса.

Алька подошла к Маше. Та была погружена в себя настолько, что не видела никого вокруг. Сестра легонько потрясла ее за плечо.

— Я приду за тобой, — сказала она.

А потом отвела Машу в сторону и заправила ей за ухо прядь, выпавшую из прически.

— Пока вас еще не начали гонять, давай я тебе волосы по-новому заколю, — предложила Алька. — Наверх, как у меня. Хочешь?

— Отстань от моих волос, — нахмурилась Маша. — Я вообще их скоро обрежу.

Алька закрепила непослушную Машину прядь.

— Точно, — сказала она. — Давай вместе обрежем. И ты, и я, давай?

Маша недоверчиво посмотрела на нее и ничего не сказала. Потом повернулась к сестре спиной и с каменным выражением лица направилась туда, где ее ждал Костя.

— Дети, — сказала Фаина Теодоровна, когда в зале остались только Маша и ее партнер. — Я хочу сделать с вами одну штуку, которую мы в нашей группе еще ни разу не делали. В каком-то смысле это будет хулиганство, и вы теперь мои сообщники. С чем вас и поздравляю.

Машу не слишком-то убедил тон учительницы, но она сделала вид, что внимательно слушает.

— Костя, — Фаина Теодоровна обратилась к мальчику. — Это самая легкая партнерша из двух старших групп. Если все у вас пойдет хорошо,

с ней мы попробуем сделать эйр степс и поддержку. Манечка, сколько ты вешишь?

— Двадцать восемь с половиной, — буркнула Маша.

— Ого! — засмеялся Костя. — Да ты п-пушинка. Тебя ветром не сдувает?

— Сдувает, — Маша подняла на него колючий взгляд. — К следующему занятию меня точно отсюда сдует.

— Итак! — Фаина сделала вид, что ничего не слышала.

Словно дирижер, она взмахнула руками и повернулась к Маше.

— Рок-н-ролл — это стиль жизни, — сказала она девочке. — Для тех, кто любит свободу, кто уходит из дома. В общем, для таких, как ты, моя дорогая.

Костя подал ей руку. Мальчик сделал шаг назад и настойчиво потянул Машу в свою сторону.

— Не падай на партнера, ты не мадам рококо! — Фаина хлопнула в ладоши. — Ты современная, свободная! Рука пружинит, сопротивляется. Ну?

Маша снова шагнула и, закрыв глаза, попыталась собрать все свое внимание на движении предплечья и локтя. Если немножко напрячь мышцы, рука действительно пружинила.

— Иди, куда тебя ведут! На свою территорию не пускай! — кричала Фаина. — Вот так. Так! Хорошо, давайте еще раз.

И Костя снова подал ей руку.

Он видел, как девочка путается и краснеет. Фаина тоже все прекрасно видела. Машина футболка через несколько минут заметно потемнела между лопатками и подмышками, и Маша, замирая, чувствовала: вот прямо сейчас вдоль позвоночника, в том самом месте, где лежит рука мальчика, по ее спине течет еще одна горячая капля. Но, несмотря ни на что, рука спружинила, а ноги послушно шагнули туда, куда нужно.

Через несколько минут учительница сказала, что она должна кому-то срочно позвонить, и ненадолго покинула зал.

— Ты сбегала из дома? — спросил Костя, когда они остались одни.

— Сбегала, — ответила Маша. — Если это можно так назвать.

— Офигеть, — присвистнул Костя. — А по те-бе и не скажешь.

— Чего не скажешь? — спросила Маша.

Она только сейчас заметила, что мальчик очень сильно заикается.

— Что ты такая, — мальчик неловко улыбнулся, встал напротив и протянул руку. — Ладно. Давай лучше над шагами поработаем.

Светские беседы не были сильной стороной Кости Герцика.

На следующее занятие Маша пришла без малейших колебаний.

Непонятно, на что рассчитывала Фаина, и понимала ли она, что первой неделей тренировки будет достаточно для того, чтобы девочка

влюбилась в своего партнера. Эта влюбленность, наверное, стала самым ярким событием Машиной юности.

Страх исчез в тот самый момент, когда сквозь защитную завесу вдруг, вместо насмешки или глупой шутки, она услышала живую, человеческую речь, да еще такую неловкую и неровную.

Удивительно: внутри нее все оставалось по-прежнему; трепет от Костиных прикосновений никуда не девался, но теперь в трепете этом не было ничего стыдного. Ничто не сжигало изнутри и не заставляло опускать глаза. Все, что казалось ей раньше гадким и низменным, все, что выплывало в Машином воображении всякий раз, когда горячая волна страха прокатывалась по ее телу — все это вдруг, как в сказке, ударилось оземь и превратилось во что-то совершенно иное. Непонятно откуда выплыла нежность и все уравнило, все оправдала, она способна была все излечить, все затмить. В Машиной жизни установилась новая вершина: Костя.

В свою очередь, вершиной педагогического искусства Фаины стал тот самый линди-хоп в исполнении Иртышовой-младшей и Герцика, с элементами акробатики и двумя очень удачными поддержками.

Уже к майским праздникам танец их был совершенно готов. Маша все еще побаивалась поддержек, но в остальном, со слов Фаины, номер смотрелся прекрасно. Дело осталось за малым: сшить костюмы для финального выступления. Для Кости Фаина придумала образ денди конца тридцатых годов — бежевые брюки в тонкую полоску, жилет и пиджак, сшитые из ткани стрейч. Костя должен был появиться на сцене в плоской шляпе-канотье. Они долго репетировали игривый жест, которым партнерша в начале танца срывала с его головы старомодный убор и бросала шляпу в зрительный зал.

Для Маши выбрали облегающий светлый вариант купальника с короткой юбкой-поясом. К этой юбке по нижнему краю нужно было пришить шесть или семь оборок — одну над другой — чтобы легкая белая органза в крупный вишневый горох окутывала Машины бедра и взлетала вверх при каждом прыжке или кружении.

Однажды в начале мая после дополнительной репетиции Маша с Костей завернули побродить по улицам («ненадолго, всего на пятнадцать минуточек!»). У выхода из станции метро «Гостиный двор» какая-то неизвестная группа наяривала старый рок-н-рольный хит. Маша с Костей несколько секунд постояли в толпе — и вдруг, повинувшись внезапному порыву, выбежали на свободный пяточок и бросили сумки возле гитарного кофра, служившего музыкантам коробкой для сбора денег. Они «сбавали» свой танец прямо посреди Невского проспекта.

Все сложилось не так, как предполагалось по сценарию, задуманно-му Фаиной. Облако белой органзы в крупный горох не обволакивало

бедра партнерши, а Костя был одет не как денди, а как обычный ленинградский подросток. Удобные кроссовки и облегающие джинсы — они-то и спасли Машу от позора, когда Костя повел ее на поддержку. Партнер помог Маше кувыркнуться через голову, а потом аккуратно опустил девочку на асфальт.

Зрители, которые толпились вокруг, не дали Маше окончательно замелеть от Костиной выходки: отовсюду раздавались присвистывания и хлопки, и люди смотрели на детей, как на настоящих артистов. Костя вывел Машу на поклон, потом шустро поднял с земли обе брошенные сумки, подхватил податливую партнершу под руку, и дети, неприлично хохоча во весь голос, побежали в сторону Садовой.

Пробежав метров сто, они притормозили, а потом пошли шагом.

— Ты обалдел, что ли? — Маша и задыхалась, и смеялась одновременно. — Я чуть не рухнула прямо на асфальт! При всем честном народе!

— Ты не рухнула, — ответил Костя. — Зна-чит, на сцене тоже не рухнешь.

Сразу после того случая возле метро Маша тяжело заболела. Она не обратила внимания, что во время танца, как обычно, ее майка сделалась мокрой. Пока девочка шла домой, поднялся ветер и продул ее насквозь, но Маша не заметила и этого. Наутро резко подскочила температура, а горло обложила раскаленная вата. На следующий день появился мучительный кашель, а из поликлиники пришел врач и поставил диагноз «острый бронхит».

Девочку чудом не положили в больницу. К Иртышовым на дом ходила медсестра и ставила Маше уколы. Ни о каких танцах уже не могло идти речи. А ведь именно в мае у старшеклассников должен был состояться выпускной вечер, в программу которого Фаина собиралась включить хулиганский линди-хоп в исполнении Иртышовой и Герцика. Увы, этот номер так никогда и не увидел сцены.

Годовые оценки Маше выставили по средним баллам; это был единственный год, когда табель Иртышовой-младшей украшали почти одни сплошные тройки. Любовь не замедлила сказаться на успеваемости.

За весь период, пока Маша болела, Костя навестил ее только однажды. Хотя, наверное, сам бы он ни за что не догадался зайти, если бы не Алька.

Мальчик неуверенно потоптался возле Машиной кровати и сказал, что, скорее всего, в следующем году он будет учиться в другой школе.

— Так и не выступили, — сказал Костя и улыбнулся Маше той самой, чуть виноватой улыбкой. — Ничего, т-еперь любой, кто встанет с тобой танцевать, просто офигеет.

— Я очень хочу показать тебе нашу дачу, — вдруг сказала Маша. — Ты летом куда-нибудь уезжаешь?

Костя ответил что-то неопределенное и поспешил скорей уйти. Маша, опустив веки, лежала на подушке. Она слышала, как за Костей закрылась дверь. В ее груди клокотало огромное море, на море стоял шторм, выплывали айсберги и со страшным треском проламывали борта безымянных, беспомощных кораблей. Маше казалось, что там, внутри нее, кричат о помощи люди, вода заливает им нос и рот, и, подхваченные воронкой, они проваливаются в темноту — навсегда.

Гораздо позже Маше стало известно, что родители запрещали Косте болтать о своем скором отъезде, потому что уезжал он не только на лето, но и на весь будущий год, и на всю последующую жизнь. Маше об этом, конечно, ничего не сказали, хотя и Ираида Михайловна, и Фаина были в курсе с самого начала.

Встревоженная здоровьем младшей дочери, мать срочно взяла билеты в Крым, и они втроем, вместе с Алькой, прожили в Феодосии три теплых месяца, до самого сентября. Но Маша не хотела выздоравливать. Она почти все лето ходила как потерянная, плакала и писала Косте письма.

Девочка не могла объяснить себе самой, что же такое происходит с ее головой и телом. А как можно об этом рассказывать другому человеку, если ты даже сам для себя не можешь найти нужного слова? Однажды она все-таки попробовала поговорить с сестрой, но у нее ничего не вышло.

Короткая их беседа случилась в Крыму, в жаркое послеполуденное время, когда они с Алькой лежали в саду под черешней на старых хозяйских покрывалах с незамысловатым восточным узором. Сквозь густые, усыпанные темно-бордовыми плодами ветки лениво проникал солнечный свет. Всю силу и ярость свою он отдал дереву, и на покрывала, расстеленные возле ствола, падали только нежные, ослабленные круглые пятна. Одно такое пятно дрожало у Альки на лбу, другое на груди, на тонкой лямке синего в полоску, уже успевшего полинять купальника. Целая россыпь теплых кругляшей каталась по длинным Алькиным ногам; кожа у сестры была ровная и загорелая, без синяков и ссадин, зато на Машиной лодыжке красовалась косая царапина со следом от йода. Маша стала очень невнимательной и вечно обо что-то ударялась, вот и вчера она не заметила проволоку, которой были скреплены перекладыны хозяйской изгороди.

Черешни больше не хотелось; девочки съели ее столько, сколько, наверное, не ели за всю свою прошлую жизнь. Идти на море тоже не хотелось. Да и кто ходит на пляж под палящим солнцем? Хотелось спать,

но влажный душный воздух не давал дышать полной грудью, и сестры лежали в тени без движения, ожидая часа, когда день перевернется за середину, а жара пойдет на убыль.

— Аль, — позвала сестру Маша.

— М-м? — ответила Алька и чуть приоткрыла веки.

— Помнишь, как бабушка в саду обрезала розы? На даче, помнишь?

— Не-а, — Алька пошевелила пальцами ног. — Она обрезала? Они не сами росли?

— Не сами, — Маша взяла в рот травинку.

— Зато в Крыму все растет само, — заключила Алька. — Я ни разу не видела, чтоб наша хозяйка хоть за чем-то здесь ухаживала.

Вот и весь разговор. Маша больше ни о чем сестру не спрашивала; если та не помнила, как бабушка обрезала розы, нечего было и продолжать. Маша лежала и думала, что людей жизнь тоже отрезает друг от друга, и что ножницы — это очень больно. И никто не знает наверняка, что может вырасти там, где эти ножницы прошлись, и вырастет ли хоть что-нибудь.

Почти все Машины письма в сентябре вернулись обратно, в почтовый ящик Иртышовых. На конвертах, прилетевших авиасообщением из Феодосии в Ленинград, значилось: адресат выбыл.

— Найдешь себе еще десять таких Кость, — заверяла ее Ираида Михайловна. — Плюнь и разотри.

Маша ничего не отвечала матери. Она еще сильнее замкнулась и общалась с домашними с помощью коротких, отрывистых предложений. На танцы она больше не пошла. А Фаина Теодоровна вскоре создала свою собственную студию, и танцевальный кружок при школе закрылся.

Ираида Михайловна уже ни на чем не настаивала, только иногда в телефонных разговорах с подругами позволяла себе пожаловаться:

— Что делать с младшей, ума не приложу. Все еще ходит и вздыхает. Столько времени прошло, казалось бы — иди на дискотеку, познакомься, столько мальчиков вокруг... Нет уж, хватит нам в семье однолюбов! И без того тошно.